

зыкантовъ, которымъ приходилось имѣть дѣло съ церковной музыкой, да и вообще тогда было обыкновеніе все связывать съ религіей, то прежде всего исполнялся хораль. Послѣ этого благоговѣйнаго начала переходили къ шуткамъ, которыя часто весьма отличались отъ этого начала. Они пѣли народныя пѣсни, отчасти смѣшаннаго, отчасти непристойнаго содержанія, которыя представляли въ то время импровизацію, такимъ образомъ, что различные голоса образовали гармонію, а текстъ въ каждомъ голосѣ былъ различнаго содержанія. Они называли это совмѣстное пѣніе Quodlibet—всякой всячиной. Иные хотятъ видѣть въ этомъ фарсѣ начало комической оперетты у нѣмцевъ. Однако, такое Quodlibet было въ употребленіи у нѣмцевъ значительно ранѣе этого. Іоганнъ-Себастьянъ Бахъ увѣковѣчилъ этотъ обычай въ заключеніи своихъ «Goldbergvariationen».

Христофоръ Бахъ, какъ музыкантъ, ничего изъ себя не представлялъ. Изъ его сыновей двое были близнецами—Іоганнъ-Амброзіусъ и Іоганнъ-Христофоръ. Іоганнъ-Христофоръ былъ на службѣ у графа Шварцбургъ-Арнштадтскаго, въ качествѣ городского и придворнаго музыканта; Іоганнъ-Амброзіусъ былъ сначала придворнымъ и городскимъ музыкантомъ въ Эрфуртѣ, потомъ въ Эйзенахѣ. У него было восемь человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ четверо умерли въ дѣтскомъ возрастѣ, а остались: Іоганнъ-Христофоръ, Марія-Саломея, Іоганнъ-Яковъ и великій Іоганнъ-Себастьянъ.

* *

«Paraitre», новая пьеса Мориса Доннэ. Морисъ Доннэ создалъ новую драматическую формулу. Онъ выставляетъ на сцену мужчинъ и женщинъ, заставляетъ ихъ говорить ненатуральныя остроты, биржевыя и салонныя кощлости и т. п., и это называетъ пьесою. О томъ, чтобы найти эпизодъ, изобразить характеръ или темпераментъ, открыть душевное состояніе и сомнѣніе,—онъ и не думаетъ. Морисъ Доннэ издѣвается надъ правилами построения сценическаго произведенія, обоснованія и развитія дѣйствій. Объ этихъ безплодныхъ пустякахъ пусть заботится педантичный глупецъ, Доннэ же беззаботно остритъ надъ всѣмъ этимъ. И успѣхъ оправдываетъ его ожиданія: зрители хохочутъ и набираютъ въ театрѣ анекдоты, которые можно затѣмъ рассказать въ клубѣ или во время five o'clock'a. «Гамлетъ» и «Фаустъ» не даютъ этого, слѣдовательно Гёте и Шекспиръ гораздо ниже Доннэ.

Вначалѣ Доннэ примѣнилъ свою формулу для коротенькихъ шутокъ, на которыя всѣ смотрѣли, какъ на первоначальныя эзерцисы выскокѣрнаго юноши. Но такъ какъ ему посчастливилось выскочить въ знаменитости, то онъ напустилъ на себя серьезность и сталъ сочинять претенціозныя пьесы, хватавшія на весь вечеръ и дававшіяся въ хорошихъ театрахъ. Теперь онъ поставилъ одну пьесу на сценѣ «Французской Комедіи» и такимъ образомъ приобрѣлъ право считаться настоящимъ драматическимъ писателемъ. Ему должно доставлять особенное удовольствіе видѣть, какъ критика мучается надъ его работами.

И нѣтъ болѣе неблагодарнаго труда, какъ заниматься разборомъ какой-нибудь пьесы Доннэ. Обычный методъ при этомъ неприложимъ. Напримѣръ, если вы хотите изложить дѣйствіе, то придете къ выводу, что никакого дѣйствія нѣтъ, или же вы приходите втупикъ, когда изъ набора словъ выберете драматическій элементъ. Отъ «Paraitre»

удостоившагося чести быть поставленнымъ въ домѣ Мольера, при добросовѣстномъ разсмотрѣніи остается только слѣдующее резюме: миллиардеръ женится на бѣдной дѣвушкѣ съ простыми вкусами. Ея свояченица, жаждущая роскоши свѣтская особа, не обладающая средствами, завидуетъ ей и хочетъ отнять ея дурака-мужа; свояченица добивается развода и старается увлечь миллиардера картиною будущаго супружескаго счастья съ нею. Но обманутый мужъ интриганки узнаетъ обо всемъ и убиваетъ шурина. Казалось бы невѣроятнымъ, чтобы писатель, уважающій себя, могъ бы видѣть въ такомъ эпизодѣ матеріаль, достаточный для пьесы въ 4-хъ актахъ и 5-ти картинахъ; но Донна далъ фактическій примѣръ подобной непритязательности. Частицу супружеской невѣрности, на которую не обратилъ бы вниманія послѣдній фабрикантъ водевилей, онъ снабдилъ массою не связанныхъ между собою эпизодовъ и въ такомъ видѣ преподнесъ публикѣ свою неплодотворную работу.

Съ какою наивною дерзостью Донна вставляетъ эпизоды, совершенно чуждые пьесѣ, о томъ мы должны рассказать подробно. Жюльета, дочь рантье Марже, вышедшая замужъ за миллионера Райдзеля, имѣетъ кузину Жермень Лакудри, съ которою мы знакомимся въ первомъ дѣйствіи, какъ съ простоватой, но миловидной женщиной, не возбуждающей ничуть нашего вниманія. Можно замѣтить развѣ, что она настоящая хозяйка-мѣщанка, трогательно влюбленная въ своего мужа. Во второмъ дѣйствіи Жермень рассказываетъ мелодраматическую исторію о себѣ и проситъ богатую кузину выручить ее изъ нужды. Ей необходимы тотчасъ десять тысячъ франковъ, иначе она будетъ поставлена въ ужасное положеніе. Подумайте: на морскихъ купаньяхъ она обзавелась любовникомъ, какъ и всѣ ея подруги, чтобы не быть исключеніемъ между современными дамами. По возвращеніи въ Парижъ она встрѣчается со своимъ почитателемъ въ подозрительномъ отелѣ. Когда она однажды выходитъ изъ отеля, къ ней подходитъ какой-то господинъ и говоритъ: «Сударыня, я знаю, что вы здѣсь дѣлаете; если вы не хотите, чтобы объ этомъ узналъ вашъ мужъ, вы должны мнѣ дать пять тысячъ франковъ». Она заплатила выкупъ и думала, что опасность устранена. Затѣмъ она продолжала свои отношенія съ искусителемъ изъ курорта. Нѣсколько недѣль спустя, послѣ лирическихъ часовъ, проведенныхъ въ другомъ гостепріимномъ убѣжищѣ, находившемся на противоположномъ концѣ Парижа, тотъ же самый господинъ является вновь и весьма вѣжливо заявляетъ, что на этотъ разъ онъ нуждается въ десяти тысячахъ франковъ. «Не отказывайте мнѣ, — говоритъ онъ, — такъ какъ иначе я вынужденъ буду извлекъ пользу изъ вашихъ писемъ къ вашему другу, которыя случайно попали мнѣ въ руки». Ее поражаетъ мысль, какимъ образомъ могли попасть ея письма въ руки этого негодяя. Случай открываетъ ей глаза на все. Проходя по бульвару Сенъ-Мишель, она вдругъ увидала своего возлюбленнаго, интимно бесѣдовавшаго съ вымогателемъ, хохотавшимъ до упаду, и дружески похлопывавшаго по плечу своего товарища. Оба джентльмена обдѣлывали слѣдовательно свои дѣла сообща. Любовникъ привозилъ своего товарища въ гостепріимный домъ, и компаньонъ дѣлилъ вырученныя деньги съ удовлетвореннымъ любовникомъ. Послѣдній со своей стороны игралъ у подруги своего товарища менѣе благодарную роль вымогателя.

Этотъ старый анекдотъ можетъ послужить фельетонною картинкою нравовъ. Въ пьесѣ же онъ излишенъ. Доннэ стыдится преподнести такую безобразную грязь и дѣлаетъ попытку органически ввести въ пьесу глупую Жерменъ Лакудри. Онъ навязываетъ ей въ четвертомъ дѣйствіи симпатичную задачу насплетничать своей кузинѣ Жульеттѣ, въ благодарность за данныя ей десять тысячъ франковъ, что ея свояченица Христіана Марже—возлюбленная ея мужа. До того времени Жерменъ Лакудри была излишнею, а теперь она уже прямо невозможна, и это пятое колесо въ телегѣ только раздражаетъ критика. Вѣдь Жульетта и безъ глупой кузины должна была замѣтить измѣну мужа.

Не менѣе излишне и внезапное появленіе дамы изъ Бразиліи, пишущей грязные романы и стихи. Выводитъ на сцену фигуру, не имѣющую вліянія на развитіе пьесы и не связанную съ главными дѣйствующими лицами,—можетъ быть, пикантно, но не оправдываемо ни съ какой другой точки зрѣнія. Между тѣмъ бразильская дама является, занимается нѣкоторое время флиртомъ и затѣмъ исчезаетъ безслѣдно.

Въ другомъ мѣстѣ происходитъ между матерями Жульетты и Христіаны Марже ни на чемъ не основанная, бессмысленная и безцѣльная ссора, являющаяся лишь образчикомъ словеснаго спора двухъ острыхъ на языкъ дамъ. Все это не имѣетъ никакого отношенія къ пьесѣ.

Также излишни остроты, вызывающія аплодисменты зрителей, которые весьма цѣнятъ разные непереводаемые каламбуры. Въ остротахъ подобнаго рода въ пьесѣ нѣтъ недостатка и онѣ разсыяны въ каждомъ явленіи. Но мы не будемъ на нихъ останавливаться.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ встрѣчались на сценахъ пьески, о которыхъ теперь можно говорить съ улыбкою пренебреженія. Это были комедіи, въ которыхъ дѣйствующія лица вели остроумные разговоры другъ съ другомъ, а само дѣйствіе было на второмъ планѣ. Теперь на сценѣ мы не выносимъ рѣчей, не соответствующихъ развитію дѣйствія. Широковѣщательныя фразы могли услаждать нашихъ непритязательныхъ дѣдовъ; нынѣшнее поколѣніе требуетъ дѣйствія, являющагося основою драмы, а не болтовни. Но Морисъ Доннэ творитъ именно то, что мы считаемъ теперь ребяческимъ и невозможнымъ. «Paraitre» — это пьеса стараго стиля, отличающаяся отъ обветшалыхъ образцовъ только тѣмъ, что въ ней ведутся разговоры не изящные и приличные, а парадоксальные, безвкусные и циничные. Несмотря на все это, Доннэ считается писателемъ въ современномъ духѣ.